СВЕКРОВЬ И НЕВЕСТКА

Истории из жизни

ВЕРА ЯСЕНЕВА

Вера Ясенева

Свекровь и невестка. Истории из жизни

https://litres.ru/74749729
SelfPub; 2026

Аннотация

Свекровь приходит без звонка со своим ключом. Три года «занимает» деньги и не отдаёт. Переделывает ваш борщ и забирает внуков на все выходные. Знакомо?

15 жизненных историй о самых непростых отношениях в любой семье — между свекровью и невесткой. Невестка, которая ответила свекрови её же оружием. Свекровь, которая годами вела тетрадь чужих денег, — и правда о ней перевернула всё. Две бабушки, которые воевали за внука, пока не прочитали его письмо Деду Морозу. И свекровь, которая однажды сама рассказала, какой плохой она была.

Обиды и месть, семейные тайны и скандалы, слёзы на кухне и смех до колик. Короткие рассказы из жизни, которые читаются за один вечер, а вспоминаются долго.

Для всех, кто хоть раз хотел хлопнуть дверью — и всё-таки остался на чай.

Содержание

Свекровь приходила к нам без звонка со своим ключом. Я ответила ей тем же 4
Свекровь три года «занимала» у меня деньги и не отдавала. А потом я нашла её тетрадь 10
На свадьбе свекровь вручила нам пустой конверт. Я промолчала — и это оказалась проверка 17
Свекровь всю жизнь любила дочь, а не меня. Когда дочь выставила её из квартиры, она позвонила мне 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Вера Ясенева
Свекровь и невестка. Истории из жизни

Свекровь приходила к нам без звонка со своим ключом. Я ответила ей тем же

В субботу в восемь утра я стояла в ванной в одном полотенце, когда в прихожей щёлкнул замок.

— Оля! Вы что, ещё спите? — разнеслось на всю квартиру. — Я вам творожку принесла, деревенского!

Тамара Петровна. Моя свекровь. Со своим ключом от нашей квартиры.

Ключ ей дал Дима в тот же день, когда мы въехали. «На всякий случай, — сказал он. — Мало ли, трубу прорвёт, а мы в отпуске». За два года трубу не прорвало ни разу. А Тамара Петровна приходила по три раза в неделю.

Она приходила, когда нас не было, и тогда вечером я находила в холодильнике кастрюлю супа, а в шкафу — переложенное по-своему бельё. Она приходила, когда мы были дома, и тогда я узнавала, что полы у меня «как в общежитии», а

шторы «унылые, как в поликлинике». Однажды я вернулась с работы и не нашла свой любимый плед.

— Я его выбросила, Оленька, он же весь в катышках. Я вам новый купила, вон, в пакете.

Новый был ярко-малиновый, с оленями.

Хуже всего было то, что придраться было не к чему. Она же помогала. Суп варила, цветы поливала, творожок носила.

— Ну что ты, — говорил Дима, когда я пыталась с ним поговорить. — Мама одна, ей скучно. Она же от души.

— Дима, она вчера читала мои письма из банка.

— Она просто конверты с пола подняла.

— Она их вскрыла.

— Ну, может, подумала, что это реклама.

С ней самой я тоже говорила. Мягко, вежливо, с тортом. Объясняла, что мы взрослые люди, что хочется приходить домой и знать, что там никого нет. Тамара Петровна кивала, вздыхала, промокала глаза платочком и повторяла: «Конечно, Оленька, конечно. Я всё понимаю».

А в понедельник я пришла с работы и увидела у нас на кухне её подругу Люсю. Люся пила чай из моей любимой кружки.

— Тамарочка дала ключик, — сообщила она. — Сказала, у вас тут тихо, а у меня соседи ремонт затеяли, с утра долбят. Я до вечера посижу, ты же не против?

Вот тогда я поняла, что разговорами ничего не добьюсь.

Замок я менять не стала. Это была бы война, а Дима свою

маму любил, и я его за это тоже любила. Я поступила по-другому.

У нас тоже был ключ от квартиры Тамары Петровны. Висел на общей связке в прихожей. На всякий случай. Мало ли, трубу прорвёт.

В среду я отпросилась с работы пораньше и в два часа дня открыла дверь свекрови. По средам она всегда ездила на рынок, это я знала точно. Я вымыла у неё полы — тщательно, с хлоркой. Переставила на кухне банки с крупой: по алфавиту, так же удобнее. Сняла с окна её любимые бархатные шторы цвета бордо и повесила льняные, светлые, которые купила накануне. Бархатные сложила в пакет и оставила на столе записку:

«Тамара Петровна, ваши шторы совсем выцвели, я повесила новые. От души! Ваша Оля».

Вечером она позвонила Диме. Я слышала из комнаты, как он оправдывается: «Мам, ну она же помочь хотела… Ну что ты сразу… Ну приятно же, когда о тебе заботятся».

Я улыбнулась и пошла ставить чайник.

В пятницу я пришла к ней снова. На этот раз она была дома, смотрела сериал. Я открыла дверь своим ключом, громко крикнула: «Тамара Петровна, это я, не пугайтесь!» — и прошла с пакетами прямо на кухню.

— Оля? — Она выглянула из комнаты в халате и бигуди. — Ты… как ты вошла?

— Так у нас же ваш ключ, на всякий случай. Я вам кот-

лет принесла, а то вы одна, вам, наверное, скучно для себя готовить. — Я открыла её холодильник. — Ой, а это что? Колбаса? Тамара Петровна, вам же нельзя колбасу, там одна химия. Я заберу.

— Это докторская! — сказала свекровь не своим голосом.

— Тем более.

В субботу я привела к ней свою маму. Мама у меня человек тихий, ей было ужасно неловко, но я попросила подыграть. Мы позвонили в дверь — один раз, коротко — и тут же открыли своим ключом.

— Мы ненадолго! — крикнула я из прихожей. — У мамы на даче воду отключили, ей бы душ принять. Вы же не против? Мы же одна семья!

Тамара Петровна стояла посреди коридора и смотрела на мою маму с полотенцем через плечо. Мама смотрела в пол. Пауза длилась, наверное, секунд десять. Потом свекровь сказала:

— Оля. Можно тебя на кухню?

На кухне она села на табуретку очень прямо. Тридцать лет она проработала завучем в школе, и я сразу почувствовала себя восьмиклассницей, которую поймали со шпаргалкой на контрольной. Я ждала крика, слёз, звонка Диме. А она помолчала и сказала:

— Шторы, между прочим, хорошие. Светлее стало.

— Я рада.

— А колбасу верни.

— Верну.

Она помолчала ещё.

— Ты ведь нарочно.

— Нарочно, — сказала я. — Тамара Петровна, мне неприятно, когда в мой дом заходят без спроса. Вот как вам сейчас. Только вам — неделю, а мне — два года.

Она отвернулась к окну. Я видела, как у неё дрожит подбородок, и мне вдруг стало её жалко до слёз. Она ведь правда не со зла. Муж ушёл от неё, когда Диме было пять. Тридцать лет одна, и вся её жизнь была — сын. А потом сын вырос, женился и уехал в свою квартиру, где теперь распоряжалась какая-то Оля.

— Я думала, я вам нужна, — сказала она тихо. — Думала, без меня вы пропадёте.

— Нужны, — сказала я. — Только со звонком.

Ключ она вернула в тот же вечер. Положила на тумбочку в прихожей, ничего не сказала и ушла. Дима ходил мрачный два дня, пока мама сама ему не позвонила и не сказала: «Димочка, у тебя умная жена. Береги её».

Я этого не слышала. Мне потом Дима рассказал, и голос у него был такой, будто ему вручили медаль.

* * *

С тех пор прошло три года. Тамара Петровна всегда звонит перед тем, как приехать. Даже если уже стоит у подъезда — звонит снизу: «Оленька, я тут рядом, к вам можно?» Мы зовём её на все праздники, и она приходит со своим знамени-

тым пирогом с капустой. Когда родилась Машенька, я сама дала свекрови ключ — чтобы она могла посидеть с внучкой, пока я сплю после бессонной ночи. Вечером она его вернула. Положила на тумбочку, рядом с моим.

Её бархатные шторы так и лежат в пакете на антресолях, а на окне висят светлые. Подругам она рассказывает: «Это мне невестка подарила. Со вкусом девочка».

Про колбасу, правда, вспоминает до сих пор.

Свекровь три года «занимала» у меня деньги и не отдавала. А потом я нашла её тетрадь

Первый раз свекровь попросила у меня денег, когда Соне было три месяца.

Она пришла посмотреть на внучку, постояла над кроваткой, поправила одеяльце и сказала, не оборачиваясь:

— Лена, одолжи пять тысяч до пенсии. Не хочу у Серёжи просить, у него и так ипотека.

Я дала. Мне было даже приятно: Валентина Сергеевна никогда ни о чём меня не просила. Она вообще со мной почти не разговаривала. Бывший главный бухгалтер завода, сухая, прямая, с вечно поджатыми губами. На свадьбе она подарила нам конверт и сказала одну фразу: «Живите по средствам». Больше за весь вечер я не услышала от неё ни слова.

Пять тысяч она не вернула. Через месяц попросила ещё пять. Потом десять — «на зубы». Потом пятнадцать — «на лекарства, только Серёже не говори, расстроится». И так — каждый месяц, три года подряд.

Я не говорила. Сначала потому, что неудобно. Потом потому, что Серёжа и правда бы расстроился, а у него и без того хватало забот. Он много работал, часто уезжал в командировки, приходил поздно и усталый. А я после декрета вы-

шла администратором в салон красоты и откладывала каждую копейку. И каждую копейку, которую я откладывала, свекровь забирала — вежливо, по-деловому, «до пенсии».

Однажды я посчитала. Вышло двести девяносто тысяч. Я тогда проплакала полночи в ванной, чтобы не разбудить Соню. На эти деньги можно было закрыть часть ипотеки. Можно было свозить Соню на море — она ни разу не видела моря.

— Валентина Сергеевна, — решилась я однажды. — Может, вы хоть часть вернёте? Нам самим сейчас тяжело.

Она посмотрела на меня поверх очков.

— Тяжело? — переспросила она. — Ну, раз тяжело, значит, больше просить не буду.

И через две недели попросила восемь тысяч.

* * *

На Серёжин день рождения мы собрались у неё. Я пошла на кухню за салатом и услышала, что свекровь говорит по телефону в коридоре — тихо, прикрывая трубку ладонью:

— Ничего, Галя. Недолго ей осталось. Скоро всё узнает.

Увидев меня, она замолчала и спокойно положила трубку.

Весь вечер я сидела как на иголках. Кому — ей? Мне? Что я узнаю? Я перебирала в голове самое страшное. Может, она хочет развести нас с Серёжей. Может, нашла ему другую — из «хорошей семьи», какой я, по её мнению, никогда не была. Может, деньги нужны ей для этого: на юриста, на что-то ещё, о чём я даже думать боялась.

Дома я спросила у Серёжи, с кем дружит его мама.

— С тётей Галей, с работы ещё, — зевнул он. — А что?

— Да так.

Он отвернулся к стене и сразу уснул. А я лежала и смотрела в потолок до утра.

* * *

В феврале Валентина Сергеевна поскользнулась у подъезда и сломала руку. Позвонила почему-то не сыну, а мне.

— Серёжа на совещании, — сказала она в трубку ровным голосом, будто сообщала о погоде. — Лена, привези мне в больницу паспорт, полис и халат. Документы в серванте, в верхнем ящике. Ключ у соседки из сорок седьмой.

Я никогда не бывала в её квартире одна. Там было чисто и тихо, как в музее. На стене висела наша свадебная фотография — я не знала, что она её повесила. Я открыла верхний ящик серванта. Паспорт, полис, конверты с квитанциями, сложенные по месяцам. И под ними — толстая тетрадь в клеёнчатой обложке. На обложке аккуратным бухгалтерским почерком было написано: «Лена».

Я знаю, что чужие тетради читать нельзя. Но на обложке было моё имя.

Я открыла её прямо там, стоя у серванта.

Каждая страница была расчерчена на столбики. Дата. Сумма. «Взято у Лены». И рядом ещё один столбец, который я сначала не поняла: «Положено». Напротив каждой суммы — та же сумма. Пять тысяч — положено пять тысяч. Десять — положено десять. Внизу каждой страницы стоял итог, под-

чёркнутый двумя линиями. А на полях встречались короткие записи — тем же ровным почерком:

«Серёжа опять взял кредит. Третий».

«Видела его с ней у торгового центра. Лена не знает».

«Он хочет продать квартиру после развода. Лене с Соней жить будет негде».

У меня задрожали руки. Я перевернула ещё несколько страниц, и тетрадь чуть не выпала на пол. Последняя исписанная страница была датирована прошлой неделей. Под последней суммой стояли две строчки:

«14 мая — нотариус. Сказать Лене? Нет. Пусть сначала Серёжа сам ей признается. Если не скажет до лета — скажу я».

* * *

В больницу я приехала через час. Валентина Сергеевна сидела на кровати с загипсованной рукой, такая же прямая, как всегда. Я положила на тумбочку пакет с халатом. Сверху — тетрадь.

Она посмотрела на тетрадь, потом на меня.

— Прочитала, — сказала она. Не спросила, а сказала.

— Прочитала.

— Ну и хорошо. — Она здоровой рукой похлопала по одеялу рядом с собой. — Садись. Только не плачь, тут люди.

И рассказала.

Год назад она случайно увидела в телефоне сына сообщение. Женщину звали Кристина, ей было двадцать шесть. Се-

рёжа обещал ей, что «к лету всё решит». Валентина Сергеевна позвонила знакомой из банка и узнала, что на сыне три кредита. Потом увидела их вдвоём у торгового центра — в тот день, когда у него по легенде была командировка.

— Я с ним говорила, — сказала она. — Он мне сказал: «Мама, не лезь, это моя жизнь». Моя жизнь… А Соня — тоже его жизнь? А ты? Ты три года мне деньги носишь и ни разу не попросила по-настоящему вернуть. Я таких людей за всю жизнь знала человек пять, не больше.

— Так зачем вы их брали? — Голос у меня сорвался. — Зачем?

— Затем, что всё, что ты откладывала, ушло бы на его долги. Он бы попросил — ты бы отдала. Ты всё отдаёшь, я же вижу. А у меня не возьмёт: я мать, я бухгалтер, я каждую копейку записываю. — Она чуть заметно усмехнулась. — Всё лежит на вкладе. Двести девяносто восемь тысяч и проценты. Твои. До копейки.

Я молчала. Я не могла говорить.

— А нотариус четырнадцатого мая, — продолжила она, — это я свою однушку на Соню оформляю. Дарственную. Чтобы у вас с ней был свой угол, что бы он там ни решил. На эту квартиру он рта не раскроет: она не его и никогда его не будет.

— А тётя Галя? — зачем-то спросила я. — «Недолго ей осталось»?

Валентина Сергеевна подняла бровь.

— Подслушивала? — Она покачала головой. — Это я про тебя. Что недолго тебе осталось ходить и ничего не знать. Галя всё говорила: скажи ей, скажи. А я ждала, что он сам скажет. Мужчина должен сам.

Он не сказал. Ни в марте, ни в апреле.

* * *

В мае я сама поставила перед ним тарелку с ужином, села напротив и сказала:

— Серёжа, я знаю про Кристину. И про кредиты.

Он долго молчал. Потом спросил:

— Мама?

— Мама, — сказала я. — Только не в том смысле, в каком ты думаешь.

Развод был тяжёлым, но я его пережила. Квартиру, купленную в браке, мы разделили через суд. Свои кредиты Серёжа оставил при себе: юрист объяснил ему, что деньги, потраченные не на семью, — это его личные долги. Вклад Валентины Сергеевны я не тронула ни на рубль, пока всё не закончилось. А потом потратила ровно его половину — на море.

Мы поехали втроём: я, Соня и бабушка Валя с рукой, которая ещё ныла на погоду. Соня впервые увидела море и визжала так, что оборачивались все отдыхающие. Свекровь сидела под зонтиком в соломенной шляпе — я никогда не видела её в шляпе — и смотрела на внучку. Потом сказала, не поворачивая головы:

— Он мой сын, Лена. Я его люблю. Но правда есть правда.

— Я знаю, — сказала я.

— И вот ещё что. — Она поправила шляпу. — Пять тысяч не одолжишь? До пенсии.

Я засмеялась так, что Соня прибежала посмотреть, что случилось.

Тетрадь в клеёнчатой обложке теперь хранится у меня. Под строчкой про нотариуса её рукой дописано: «Сказала. Правильно сделала».

На свадьбе свекровь вручила нам пустой конверт. Я промолчала — и это оказалась проверка

Конверт был белый, плотный, с золотым тиснением. Людмила Аркадьевна вручила его нам при всех гостях, когда ведущий объявил: «Слово родителям жениха!»

— Это вам от нас с Аркадием, — сказала она в микрофон и поцеловала Костю в щёку. Меня она не поцеловала. Просто кивнула.

Гости зааплодировали. Конверт был толстый, и я видела, как моя мама переглянулась с тётей Шурой. Мы с мамой жили вдвоём в райцентре: мама работала медсестрой в поликлинике, я после института устроилась бухгалтером. А Костины родители держали три магазина тканей в областном центре и жили в доме с колоннами. С первого дня знакомства я чувствовала, как Людмила Аркадьевна смотрит на меня — сверху вниз, будто прикидывает, сколько я стою.

— Мама считает, что ты охотишься за деньгами, — честно сказал мне Костя ещё до свадьбы. — Не обращай внимания. Она так про всех думает.

Я старалась не обращать.

Конверт мы открыли ночью, в номере гостиницы. Костя разорвал его, заглянул внутрь, потом заглянул ещё раз и по-

тряс над кроватью.

Конверт был пустой. Совсем. Ни денег, ни открытки, ни записки.

— Перепутала, — сказал Костя растерянно. — Наверное, перепутала конверты. Я сейчас ей позвоню.

— Не надо, — сказала я.

— Как не надо? Марин, это же…

— Костя. Не звони. Пожалуйста.

Я сама не до конца понимала, почему. Просто вдруг почувствовала: это не ошибка. Женщина, которая тридцать лет ведёт бухгалтерию трёх магазинов, не путает конверты на свадьбе единственного сына.

Утром она позвонила сама. Костя был в душе, трубку взяла я.

— Доброе утро, Марина, — сказала свекровь. — Ну что, посчитали подарки?

Я слышала, как она ждёт. Ждёт, что я начну оправдываться, намекать, обижаться, спрашивать.

— Доброе утро, Людмила Аркадьевна, — сказала я. — Спасибо вам за подарок. Всё было прекрасно.

В трубке долго молчали. Потом свекровь сказала: «Ну-ну» — и отключилась.

* * *

Мы с Костей сняли однокомнатную квартиру на окраине. Обои в цветочек, скрипучий диван, соседи-студенты за стенкой. Я была счастлива. Костя работал инженером на заводе, я

— бухгалтером в строительной фирме. Денег хватало впритык, но мы ни разу не попросили у его родителей ни рубля. Я не хотела, а Костя видел, что я не хочу.

Людмила Аркадьевна приезжала к нам раз в месяц. Садилась на скрипучий диван, оглядывала обои в цветочек и говорила:

— Скромненько.

— Нам хватает, — отвечала я.

Через полтора года Костин завод закрыли. Полгода он искал работу. Я взяла подработку — вела бухгалтерию маленькой автомастерской по вечерам — и приходила домой к полуночи. Костя готовил ужин, мыл посуду и ходил на собеседования.

Свекровь, конечно, знала. Однажды она приехала, когда Кости не было, и сказала прямо:

— Почему не попросишь помощи? Мы бы дали.

— Справимся сами, — ответила я.

— Гордая, — сказала она. Не осуждающе, а как будто записывая что-то в блокнот.

Костя нашёл работу, даже лучше прежней. Я бросила подработку. Жизнь потихоньку наладилась. И вот однажды, ровно через три года после свадьбы, свекровь позвонила мне и попросила встретиться. Одну, без Кости. В кафе возле её дома.

* * *

Она уже сидела за столиком, когда я пришла. Перед ней

лежал белый конверт с золотым тиснением. Тот самый, я узнала его сразу.

— Садись, Марина. — Она подвинула ко мне чашку. — Я заказала тебе капучино. Ты же любишь капучино?

Откуда она знает, что я люблю, — подумала я и села.

— Я должна тебе кое-что объяснить, — сказала Людмила Аркадьевна. — Только сначала открой.

В конверте лежали ключи. Два одинаковых ключа на кольце с брелоком-домиком. И сложенный лист: выписка из реестра. Двухкомнатная квартира в новом доме у парка, собственники — Константин Аркадьевич и Марина Сергеевна. Дата регистрации — неделя после нашей свадьбы.

— Я купила её три года назад, — сказала свекровь. — Сдавала. Деньги за аренду клала на счёт, там тоже кое-что набежало, Костя знает, как получить. Квартира ваша. Давно ваша.

Я смотрела на ключи и не понимала, что чувствую. Радость? Обиду? Всё сразу.

— То есть вы меня три года проверяли, — сказала я наконец.

— Проверяла, — кивнула она спокойно. — И хочу, чтобы ты знала, почему.

Она повертела в руках ложечку.

— Когда я выходила замуж за Аркадия, у него тоже была мать. Строгая, при деньгах. И на нашей свадьбе она подарила нам конверт. Такой же пустой. — Людмила Аркадьевна

усмехнулась. — А я была молодая, бедная и гордая. Не так гордая, как ты, а по-другому. Я устроила скандал. Прямо на следующий день позвонила и сказала ей всё, что о ней думаю. Что она жадная, что она меня унизила, что мне от их семьи ничего не нужно.

— А она?

— А она сказала: «Вот теперь я тебя знаю». И больше никогда меня не приняла. Тридцать лет, до самой своей смерти. Я была для неё девочкой, которая пришла за деньгами. Я ей так и не доказала обратное. — Свекровь положила ложечку на блюдце. — Когда Костя привёл тебя, я испугалась. Я смотрела на тебя и видела себя. И мне стало страшно, что я сделаю с тобой то же, что она со мной. Буду всю жизнь подозревать, мучить, ждать подвоха. Поэтому я решила один раз проверить — честно, как меня проверили, — и потом больше никогда не сомневаться.

— А если бы я позвонила? Если бы обиделась?

Она пожала плечами.

— Тогда квартира всё равно была бы ваша, она оформлена на вас двоих с первого дня. Просто я бы ещё долго думала о тебе плохо. А теперь не думаю.

Я молчала. За окном кафе шёл снег, и мне вдруг стало очень жалко ту молодую бедную девушку, которая тридцать лет назад так и не стала своей в чужой семье.

— Людмила Аркадьевна, — сказала я. — Можно одно условие?

— Слушаю.

— Больше никаких проверок. Никогда. Если вы что-то хотите про меня узнать — просто спросите.

Свекровь посмотрела на меня долгим взглядом. Потом протянула руку через стол — по-деловому, как партнёру.

— Договорились.

* * *

Через год у нас родилась дочка. В роддом Людмила Аркадьевна приехала первой, раньше Кости, с огромным букетом и белым конвертом с золотым тиснением.

Я открыла его при ней. Внутри были деньги и записка, написанная крупным почерком:

«Без проверок. Бабушка Люда».

Свекровь всю жизнь любила дочь, а не меня. Когда дочь выставила её из квартиры, она позвонила мне

Телефон зазвонил в половине двенадцатого ночи. Номер свекрови. Я сначала даже не поверила: за двадцать лет Зинаида Павловна звонила мне сама, наверное, раза три, и всегда по делу.

— Ира, — сказала она, и я её не узнала. Голос был старый и тонкий. — Ира, ты прости, что поздно. Я тут на лавочке у Жанниного дома. Мне идти некуда.

Я оделась за три минуты.

* * *

Чтобы вы поняли, что я тогда почувствовала, придётся рассказать с самого начала.

Зинаида Павловна невзлюбила меня с первого дня. Не кричала, не скандалила. Просто сравнивала. Всё, что делала я, Жанна — Вадимова младшая сестра — делала лучше. Жанна лучше готовила, хотя за двадцать лет я ни разу не видела её у плиты. Жанна лучше одевалась. Жанна удачнее вышла замуж — два раза. У Жанны были «правильные» дети, а у нас с Вадимом — «распущенные».

На все праздники свекровь приходила с двумя пакетами подарков. Большой — Жанниным детям. Маленький — на-

шей Кате. Катя в восемь лет спросила меня: «Мам, а почему бабушка меня меньше любит?» Я не знала, что ответить. Сказала, что бабушка просто устала.

Вадим пытался с ней говорить, но быстро сдавался. «Мама такая, Ир. Её не переделаешь».

Жанне свекровь отдавала всё. Деньги на первую свадьбу, деньги на вторую. Дачу, которую строил ещё Вадимов отец, переписала на неё, когда Жанне захотелось «участок у речки». Вадим промолчал: он у меня вообще из тех, кто молчит. А два года назад Зинаида Павловна подарила дочери и свою двухкомнатную квартиру.

— Жанночка обещала, что я буду жить с ней до самой смерти, — объяснила она нам на семейном обеде, как о деле решённом. — Так ей потом с наследством не возиться. А вам с Вадиком и так хорошо, у вас своё.

Вадим тогда посмотрел на меня. Я пожала плечами. Квартира её — её право.

* * *

Она сидела на лавочке у подъезда, в осеннем пальто, хотя был уже ноябрь. Рядом стоял чемодан на колёсиках, а на чемодане — пакет, из которого торчала её любимая подушка.

— Что случилось? — спросила я.

Она долго не могла начать. Потом рассказала. Жанна в третий раз собралась замуж. Новому мужу нужна была «отдельная комната под кабинет». Сначала Зинаиде Павловне предложили «пожить пока у Вадика». Потом — «в хорошем

пансионате, мама, там уход». Потом просто сложили её вещи в прихожей.

— Она сказала: «Мама, квартира моя, ты сама подарила». — Свекровь смотрела прямо перед собой. — Я подписывала, Ира. Сама. Своей рукой.

Я забрала чемодан, взяла её под руку, и мы поехали к нам.

Вадим был в рейсе — он у меня дальнобойщик, — и я позвонила ему только утром. Он долго молчал в трубку, потом сказал:

— Ир. Спасибо.

— Не за что, — ответила я. — Она же твоя мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.